

фантастическая
история

Книги Александра Белого
в серии «Фантастическая История»

СЛАВИЯ. РОЖДЕНИЕ ДЕРЖАВЫ
СЛАВИЯ. ПАРУСА НАД ОКЕАНОМ

МОСКВА, 2013

фантастическая
история

Александр Белый

Славия.
Паруса над
океаном

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б43

Белый А.

Б43 Славия. Паруса над океаном: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013.— 377 с.: ил. — (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1464-2

Эскадра молодого князя Каширского и его армия вторжения готовы к экспансии в неведомые дикие земли Южной Африки и западного побережья Северной Америки. На корабли грузятся крестьяне-переселенцы из царства Московского и Запорожья, а также бывшие рабы из захваченной и разграбленной столицы магрибских пиратов.

И вот над водами трех океанов летит караван изумрудных парусов. Путь наших героев будет нелегок, их ожидают шторма и тайфуны, морские бои и абордажи, кровавое противостояние с африканскими чернокожими каннибалами и американскими краснокожими дикарями. Но с помощью доброго слова и револьвера им удастся заложить фундамент новой державы. Княжество Славия наконец займет свое место под солнцем.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1464-2

© Александр Белый, 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ПРОЛОГ

Вот я и перевернул листки календаря первых двух лет и двух месяцев жизни с обновленным сознанием, пришедшим в мое нынешнее бытие от потомка из XXI века. Насыщенные событиями дни пролетели как один миг. Казалось бы, только вчера я, казак Михайло Каширский, возрастом неполных шестнадцати лет, с таким же молодым, едва ли на год старше, испанским дворянином Луисом де Торресом бежал из османского плена, захватив одномачтовый шлюп. Потерпели крушение в шторм, очнулись на пустынном морском пляже. Как оказалось, именно здесь в той, будущей моей жизни располагался симпатичный средиземноморский курортный городок, в который любил ежегодно приезжать на отдых пенсионер Евгений Каширский. На этом месте он погиб в результате взрывов, подготовленных исламскими террористами.

К сожалению, Бога мы вспоминаем только тогда, когда больше некуда бежать, но в тот момент произошла вещь невероятная и не объяснимая ничем, кроме Его промысла: тело-то погибло, но сознание, пронзив прошедшие столетия, вселилось в далекого предка. Да, теперь оно стало моим, но, откровенно говоря, даже не знаю, кого во мне больше — молодого и задорного, дорожащего своей честью воина Михайлы или высокообразованного и опытного старого циника Евгения.

Как сейчас помню последние мгновения своей прошлой жизни — вспышку ненависти к нелюдям, которые творили жестокое насилие над мирными людьми и в числе других только что убили мою любимую женщину. С сожалением думал тогда о несправедливости судьбы, да и всего сложившегося мирового порядка, который в угоду политическим ам-

бициям и финансовым интересам одной из господствующих сторон допустил расползание заразы терроризма по всему миру.

Помню последнюю молитву Господу и бесконечно долгое томление в пространстве небытия, а затем яркую вспышку солнечного света и Его Голос: «*Иди! Делай, что должен!*» Очнулся на берегу Средиземного моря в теле Михайлы, с трудом успокоился, постигнув случившееся, и, упорядочив сумбурный хаос смешавшихся сознаний людей двух эпох, вдруг понял, что Творец дал мне новое бытие.

Понимаю, что со всеми знаниями и умениями инженера-механика и руководителя успешного предприятия XXI века мог прекрасно и безбедно существовать в любой стране мира. Но ведь в прошлом, вернее, в далеком будущем я уже прожил отрезок точно такой же жизни в полном безразличии к окружающим и к существующему порядку! Тогда я понял: нет, этот шанс дали не лично мне, а *всем нам*.

Благодаря хорошему образованию, а также еще никому не ведомым знаниям и умениям жизнь в новом мире стала складываться неплохо. Конечно, не обошлось без помощи и дружеского расположения того же Луиса де Торресса и его милой и прекрасной кузины Изабель. Впрочем, больше всего полагался на воинскую выучку и собственную шпагу, благодаря чему достиг определенного положения в высшем обществе и был представлен ко двору короля Испании. Это позволило выйти на более высокий уровень планирования будущих действий.

Мне сильно повезло, когда в одной из мастерских Толедо судьба свела с пленным казаком Уманского куреня, моим дальним родственником Иваном Тимофеевичем Бульбой. В это время многие казачьи ватаги шли служить наемниками в различные европейские армии, вот и Иван Тимофеевич повоевал в войске французского герцога Монмуты. В бою при Маастрихте его ранил и взял в плен один из испанских офицеров.

Заплатив за Ивана Тимофеевича выкуп и убедив родича в состоятельности своих будущих планов, в дальнейшем нашел в его лице самого близкого друга и ответственного помощника. Это именно он объездил рабские рынки Османской империи, тщательно отобрал и выкупил образованную

православную молодежь из числа потомственных донских и запорожских казаков, а также сербских, болгарских и бессарабских детей воинского сословия.

Когда я впервые построил в шеренгу этих ребят, которые в будущем все до единого вошли в состав лыцарского корпуса нового княжества Славия, рядом заметил двух посторонних людей. Молодую женщину в некогда красивом и богатом, а сейчас потрепанном и аккуратно заштопанном наряде, и худошавого пожилого мужчину с седой бородкой клинышком, облаченного в старенькую европейскую одежду. Дворянское происхождение у них на лбу было написано.

— Мадемуазель! Мсье! Чем обязан? — спросил по-французски.

— Мадам, ваша светлость. Вдова Рита Войкова, урожденная Ангелова из Тырново. — Она сделала реверанс.

Дедок тоже поклонился и представился:

— Ильян Янков, ваша светлость. Был лекарем войска второго Тырновского воеводы Димитра Ангелова.

Мне показалось, что Иван Тимофеевич выкупил этих двоих чисто из личных интересов, просто потому, что ему понравилась мадам. Да, понравилась, против чего я совершенно не возражал, тогда еще не понимая, что судьба была ко мне в высшей степени благосклонна и на всю оставшуюся жизнь подарила двух близких друзей. В действительности Ильян стал лучшим доктором княжества, основателем новых направлений в медицине, а Рита сделалась моей самой лучшей ученицей в области химии. За каких-то пять лет она обошла в знаниях и умениях своего учителя.

Пришло время, и с помощью лично подготовленных воинов, вооруженных новейшим оружием, и собранных в Запорожье и на Дону молодых казаков расчет по семейным и кровным долгам все же удалось произвести сполна. У меня больше нет претензий к кому-либо. Да и я отныне никому ничего не должен, но прощаю того, кто считает иначе.

Сейчас перед глазами чистая страница.

Впереди меня ожидает трудная и сложная жизнь до самой смерти, да ничего не поделаешь, этот груз я взвалил на свои плечи добровольно и сознательно. Главное, что сегодня появились реальные возможности, необходимые для решения поставленных задач. Тем более что с территорией создания

научно-технической и военно-промышленной базы для дальнейшей мировой экспансии определился окончательно. Это Южная Африка.

К сожалению, сейчас к ее западному побережью, которое в моих планах освоения материка является пунктом номер один, подобраться практически невозможно. В Атлантике вот-вот начнется сезон штормов, в это время года там даже современные пароходы XX века терпели крушения. С другой стороны, такое положение дел нас вполне устраивало, из прошлой истории я точно знал, что европейцы еще лет сто будут в страхе обходить эти места десятой дорогой.

Вот и мы спешить не станем еще месяца четыре. Но переселенцам я все равно дурака валять не дам, для них тоже занятие найдется. Предвидя подобную ситуацию, официально выкупил у испанской короны на ныне пустынном острове Ла Пальма, принадлежащем к островам Канарского архипелага, феодал Картенара. Здесь казаки начнут получать необходимую воинскую подготовку, крестьяне будут осваивать азы агрономической науки и новые методы земледелия, мастеровые — новейшие технологии. А все вместе будущие жители княжества Славия станут изучать единый славянский язык. Единый славянский — потому что в это время такого понятия, как русский, еще не существует. Ну а дальше нас всех ожидают экспансия на африканский континент и решение самых главных, фундаментальных задач.

Задача номер один — материальные ресурсы, то есть в первую очередь деньги. Ныне деньги — это уже не вопрос. Вот-вот приступим к освоению земель, пригодных для ведения интенсивного сельского хозяйства, и земель, в которых зарыта вся таблица Менделеева, в том числе огромные запасы золота и алмазов.

Задача номер два — трудовые ресурсы, то есть люди.

Совершенно понятно, что на рабском труде аборигенов эффективной экономики не построишь. Нужны грамотные и деятельные специалисты, ведущие и вперёдсмотрящие, которых мы должны воспитать сами.

Если учитывать политику будущего православного государства, то безболезненно молодых людей для обучения мы сможем изъять только с окраин Руси. Это, во-первых, нико-

му не нужная сегодня воинственно настроенная часть запорожского и донского казачества.

Во-вторых, это десятки тысяч единоверцев староверов, бегущих в Сибирь от репрессий царствующего дома или сжигающих себя заживо. Помню, в той жизни их беспощадно преследовали и угнетали на протяжении трехсот пятидесяти лет. Думаю, мы с ними найдем общий язык, в том числе и по церковным вопросам.

И, в-третьих, у нас есть крестьяне, которые пытаются спрятаться от произвола помещика и рабского хомута, а также крепостные, которых можно просто купить, как лошадь или корову.

К сожалению, если по всей Европе в это время началась ликвидация крепостного права, то в нашем околотке — Московии, Польше, Литве и Восточной Пруссии — процесс порабощения только усугубился. Но в таком положении дел лично для меня есть и положительный момент: мои земли без православных переселенцев не останутся.

Задачи я поставил перед собой тяжелейшие: государственное развитие, научно-технический прогресс, промышленное и военное строительство. Но благодаря моему пусть даже посредственному знанию истории вероятность возникновения проблем и различных препятствий при их решении ничтожно мала. Правда, при единственном условии — если о наших телодвижениях в этом мире ничего не узнает ни один власть предержащий, и если все они пробудут в неведении до того самого момента, пока мне это выгодно.

Взял ручку и на чистом листе календаря новой жизни написал: «Княжество СЛАВИЯ».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Южно-Африканское графство

ГЛАВА 1

Возвратившись из похода по Украине, воинов наградил достойно. Прибыл в Хаджибей и каждому казаку, участнику боевых действий, вручил по триста талеров, десятникам — по пятьсот, а сотнику — тысячу. Плюс каждому — компенсацию за проданных лошадей и за ранения: пять талеров — за легкое, десять — за тяжелое и двадцать — за увечье.

Оплата более чем щедрая, считайте, за два дня боев выплатил двухгодичное содержание городских казаков. Всему прочему воинскому сословию хотел выдать по двести талеров подъемных, но передумал и сумму разделил: казакам — по сто пятьдесят талеров, а казачкам — по пятьдесят.

Из-за того, что выдал деньги особам женского пола, на меня начали удивленно коситься. В эти времена женщины у нас не имели самостоятельного статуса, могли жить либо при родителях, либо за мужем. Но я счел необходимым, чтобы девчонки были привлекательными, поэтому сделал морду кирпичом и сказал, что так нужно.

И крестьянам подъемные тоже выдал сразу. Мужикам — по пятьдесят талеров, а бабам — по двадцать. Этого вполне должно было хватить и на тягловую лошадь, и на корову, и на инвентарь, и на семена, и на нормальную крестьянскую хату. Конечно, можно было бы наличных денег крестьянам не давать, все равно их обеспечение лежит на моих плечах. Но как меняется чувство ответственности, когда ты сам, лично, распоряджаешься кучей серебра, которого раньше в жизни никогда не держал и которое семья не смогла бы заработать за многие годы!

Если посмотреть правде в глаза, то окажется, что пройдет совсем немного времени, и определенная часть мужиков

свои деньги пропьет, прогуляет, хозяйство загубит и продаст какому-нибудь более успешному и трудолюбивому крестьянину. К сожалению, одинаковых людей ни по складу характера, ни по состоянию души не бывает. Именно по этой причине когда-то не стал реальностью красивый призрак коммунизма. Жизнь превратила его в жесткую военно-государственную диктатуру, которая при малейшем ослаблении до упора натянутых струн общественного самосознания — лопнула. Развалилась, разбросав осколки некогда великой державы, породив не приспособленных к жизни вне диктатуры, инертных «одобрямсов».

Ничего не поделаешь, объективная реальность такова, что хотим мы этого или не хотим, но в общественной среде обязательно появится класс неимущих и беднейших. Однако подобным тунеядствующим элементам болтаться по моим землям в праздности, плодить при этом нищету и смущать бездельем неокрепшие молодые умы категорически не позволю. Различных каменоломен и рудников у меня будет много.

Что же касается материального поощрения рыцарского корпуса, то ребят тем более не обидел. На участвовавших или не участвовавших в бою рыцарей не делил, абсолютно все они исполняли тот или иной мой приказ. Таким образом, рядовой состав получил — по тысяче, сержанты — по две, Данко, Рыжков и Сорокопуд — по три, Антон — четыре, а Иван — пять. Риту тоже не забыл, посчитал, что четырех тысяч для нее не жалко: нашу победу ковала в том числе и она.

Когда стали известны обстоятельства и результаты боя в феоде Картенара, все выжившие бойцы островного подразделения получили сержантское содержание, а Стоян Стоянов — лейтенантское.

Никто из рыцарей больше ста — двухсот монет на текущие нужды в свои кошельки не отсыпал. Видно, поговорили и решили, что в общей княжеской казне деньги будут в большей сохранности. С другой стороны, попробуй такие деньжищи потаскать в заплечном мешке, та же тысяча серебром весит двадцать пять килограмм.

Подумал-подумал и решил для себя, что именно этих ребят стоило бы ввести в доленое участие в торговой компании «Новый мир». Кому как не им быть самыми первыми успеш-

ными людьми будущей державы! Конечно, многие из них со временем создадут выгодный государству и обществу собственный бизнес, но «Новый мир» я планировал сделать долгожителем и претворять через компанию в жизнь серьезнейшие финансово-промышленные проекты, затрагивающие интересы всего современного делового мира.

Самое интересное, что все ребята согласились со мной безоговорочно, с радостью и без вопросов. Такое единодушное, абсолютное доверие к моим деловым качествам слегка смутило, но и обрадовало. Ибо для любого человека собственные деньги, тем более такие деньжищи — это такая штука, которая заставляет действовать не по принуждению, а по зову души и разума.

В лагере у Хаджибея собралось три тысячи семьсот восемьдесят пять человек — все совершенно молодые люди, если не считать сотни крестьян постарше и десятка седобородых мужиков да седовласых баб из числа пришедших с Дона. Здесь ожидали отправки в Африку тысяча двадцать два воина, восемьсот десять казачек и двести пятнадцать малолетних казацких сирот. Крестьян было тысяча семьсот тридцать восемь человек вместе с детьми, при этом преобладали мужики, их насчитывалось на восемьдесят человек больше. А еще имелось два огромных табуна лошадей, в первом — четыреста сорок девять породистых скаковых кобыл и тридцать два жеребца, а во втором — около шести сотен обычных тягловых кобыл и два десятка могучих, ширококостных жеребцов. Это интендант Давид Черкес постарался.

Самое первое, что сделали в лагере — провели поголовную вакцинацию против оспы. Дальше началась борьба со вшами и другие противоэпидемиологические мероприятия. Правда, если бы не выдали людям подъемное серебро, требование доктора остричь вшивые головы не прошло бы так безболезненно. Косы казачек и баб пожалели, у доктора были сушеные плоды черимойи¹, порошок из которых отлично помогает в борьбе с волосяными и накожными паразитами. Так вот, косы оставили, но стрижку паховой области и подмы-

¹ Черимойя — дерево, растет в Аргентине и Чили, его плоды съедобны, добавляются в сладости и кулинарные изделия. Их лечебные свойства известны коренным аборигенам многие сотни лет — плоды используют при выведении вшей.

шек проконтролировали жестко, никакие мольбы и молитвы не помогли.

К новому дому пока уходили двумя караванами. Первый — двадцать два корабля — повел капитан Дуга, при этом шкиперы всех кораблей получили координаты острова Ла Пальма. И во втором караване оказалось девять судов, эти ушли вместе с нашей шхуной «Ирина».

Перед отправлением караванов на Канары мы с Артемом Чайкой, моим самым опытным корабелом, обошли все понравившиеся корабли с затаенной мыслью — как бы их приобрести! Из шестнадцати приглянувшихся судов владельцы согласились продать только пять — три шхуны для перевозки лошадей и два флейта. Из них один, двадцатипушечный флейт, походил на наши, только оказался на двадцать сантиметров уже и на метр короче, а второй — шестнадцатипушечный, был шести с половиной метров ширины и тридцати девяти метров длины.

Погрузка шла тяжело, но все когда-то кончается. Четыре десятка повозок забрали с собой, а остальные три сотни, освободив от добра, сложили друг на друга и оставили на выделенной площадке. Мурза, который за полцены скупил у нас всех лишних татарских лошадей и которому мы пообещали подфартить в следующем году, заверил, что ничего не пропадет. Да и Джунаид-бей, получивший от меня почти десять тысяч серебром и выдавший при этом официальную расписку всего на пять, также заверил, что наша площадка на многие годы взаимовыгодного сотрудничества останется неприкосновенной для чужих.

Нельзя лишать молодежь возможности потратить хоть немного заработанных денег на себя да на любимую девушку или супругу. Деньжата станут «мозолить» и в кошельках и в мозгах, поэтому каждому кораблю дал указание сделать точную остановку в Константинополе. Тем более что несколько часов все равно заберет таможня.

Мне предстояло решить множество вопросов, домой вместе со всеми не возвращался, поэтому определился с каждым лыцарем персонально, в зависимости от его планов и задач. А дел предстояло много, на плечи каждого ложилась немалая ответственность. Но самое главное — по прибытии на остров первые три месяца ни одному человеку не дать возможности

болтаться без дела. Почему именно три месяца? Потому что там, ниже экватора, куда лежит наш путь, очень жаркое и сухое лето. Спадёт зной, тогда и начнем привыкать к новой жизни.

Сейчас необходимо было загрузить работой и учебой всех переселенцев, невзирая на сословия — от молоденькой беременной крестьянки до самого авторитетного казака. Даже детей стоило засадить за занятия. Тем более что Карло Манчини и компания не бамбук во время нашего похода курили, а работали. Первые готовые экземпляры учебников «Букварь» и «Арифметика» мне понравились, и сейчас их можно было накатать сколько угодно. Книжицы, внешне неказистые, тоненькие и небольшие, зато отпечатаны на хорошей бумаге, переплетены яловой кожей и для реализации моего дела — бесценны.

Доктор Янков пообещал мне прочесть всем, невзирая на пол и сословные группы, курс специально написанных лекций, включающих вопросы гигиены и предупреждения эпидемий. Кстати, легко раненных в боях с панцирной кавалерией князя Вишневецкого он давно поставил на ноги, а тяжелых лечил вполне успешно, чем заслужил в среде казаков серьезный авторитет. Поэтому будущую группу студиозов из трех десятков грамотных казачек Янков создал легко. Мужчины становиться докторами не пожелали, за исключением двух увечных казаков.

Да, с увечными была целая беда. Молодому парню в пятнадцать — семнадцать лет превратиться в безрукого или безногого калеку — горько и обидно. Казаки думали, что их ожидает обычная судьба: выдают на руки заработанное серебро и отправят восвояси. Ну кому такой воин нужен? Поэтому посчитал необходимым встретиться с каждым лично и переговорить. При этом заверил, что воинам, целовавшим крест на верность, будет выплачиваться пожизненная пенсия на содержание в размере шестидесяти талеров годовых из моей собственной казны. Это потрясло не только инвалидов, но и все казачество. Теперь от желающих присягнуть князю и вступить в лыцарский корпус отбоя не было.

Присягу, конечно, принял у всех, но с лыцарским званием решил не торопиться. Пополнять корпус будем, но не час-

то, и только самыми разумными, нужными, преданными делу и адекватными людьми.

Все увечные, кроме двух будущих докторов, резко возжелали пойти в науку к нашей Рите. Видно, Иван подговорил. Впрочем, я не возражал, но строго предупредил, что отныне на них возлагается огромная ответственность, ведь они сделаются хранителями самых страшных тайн княжества.

Перед расставанием с офицерами запланировали решение других вопросов. Например, для организации первого этапа экспансии на новые земли требовалось определиться с формированием воинских подразделений — двух пехотных и трех отдельных кавалерийских рот, но самое важное — укомплектовать корабли личным составом. Кроме того, необходимо было организовать службу безопасности, школу разведки и спецопераций, заложить базис собственного университета — создать школу учителей, медицинскую школу, химическое, металлургическое, механическое отделения.

Мы должны будем немедленно пустить промышленное производство, в первую очередь стали и меди, развивать машиностроение, изготавливать станки и инструменты, оружие и боеприпасы. Заказы на другие изделия, в первую очередь сельскохозяйственную оснастку, придется размещать на стороне, так как сами мы их сделать не в силах. Это плуги, культиваторы, сеялки, сенокосилки и косы-литовки. Правда, кроме единичных экземпляров, изготовленных нами с Иваном, всех их в мире еще и в помине не было. Ну да и ладно, двину немного прогресс сельского хозяйства в Европе, зато, когда сюда придет моя армия, ее будет чем кормить.

Проконтролировал, как последний казак, удерживая седло на одном плече, а торбу с вещами на другом, взошел на палубу последней арендованной французской шхуны, приказал отдать швартовы и отправился на борт своей «Алекто». Мы сопровождали караван только до Константинополя, затем должны были идти в автономное плавание — выполнять обязательства, взятые на собственные плечи.

На моем борту кроме лыцарской команды, отправлялись в плавание две мои любимые девочки — супруга Любушка и сестра Татьяна, двадцать три казачки, восемьдесят восемь казаков и двадцать два будущих морских капитана, которых собирался доставить на обучение в Барселону. Семнадцать

из них — подготовленные лыщари, изъявившие желание учиться еще в прошлом году, а семь — тщательно отобранные новенькие казаки.

В нынешней столице Османской империи пробыл три дня. В первый же день вместе с доктором Янковым посетил богатый дом местного придворного лекаря Ала ибн Хараби. О чем и как долго доктор и Хараби вели беседу, сказать не могу, так как уже через час покинул эту увлекшуюся диалогом компанию и отправился к собору Святого Георгия на поиски обитавшего где-то здесь отца Афанасия.

Искать никого не пришлось. Оказывается, все эти дни меня ожидали, и как только очутился у паперти собора, ко мне тут же подошел монах Каширского монастыря. Отец Афанасий, которого с детства называл дядей Володей, так как был он двоюродным братом моего отца, объявился буквально через десять минут.

Обо всех наших приключениях в пути он был осведомлен прекрасно. Информацию получил вначале от купцов, а затем, считай, из первых рук — от шедших в первом караване каширских казаков, которые останавливались для закупок на припортовых рынках. Дядя Володя отвел меня в сторонку и расспросил с необыкновенным тщанием.

Вообще-то отец Афанасий никогда не проявлял эмоций, но сейчас было видно, что мой рассказ ему явно понравился. Много вопросов не задавал, спросил только о количестве личного состава и о потерях как с нашей стороны, так и со стороны коронного войска. Услышав цифры, тихо хмыкнул, задумчиво покивал, затем подтолкнул меня к образу Спасителя и стал шептать молитву о павших воинах.

Его Божественное Всесвятейшество Вселенский Патриарх Яков удостоил меня аудиенции на следующий день. Это оказался серьезный седовласый мужчина с аккуратной бородой, внешне он выглядел спокойным, но явно был отягощен глыбой жизненного опыта. Впрочем, в такой значимый сан мог быть возведен только человек высочайших ума и крепости духа.

Моя абсолютно откровенная исповедь длилась почти пять часов, Его Всесвятейшество задал множество вопросов, на которые старался отвечать весьма подробно. Вначале было непонятно, как он воспринимает мои слова, но вопро-

сы задавал ровно, без каких-либо эмоций, словно то, о чем я рассказывал, происходило сплошь и рядом. Затем, в сопровождении монаха, который не кем другим, как воином быть не мог, спустились в подвал, и я продемонстрировал работу револьвера и винтовки. Коридор здесь был недлинный, метров сто, но впечатление своей стрельбой я все равно произвел шокирующее, приблизительно такое же, как некогда на нашего доктора. А когда пригласили на обед, камень с души свалился, стало ясно: Его Всесвятейшество мне поверил. Правда, как немного позже выяснилось, обо мне он знал немало, ему давно собрали всю возможную информацию. Действительно, не каждый день в мир приходит высокородный, который считает целью своей жизни восстановление справедливости по отношению к материнской православной церкви. Собственными силами и за собственный счет.

Во время обеда мне представили отца Герасима, который и был моим сопровождающим на стрельбище. Сидели за столом втроем, пришлось повторно, но более коротко пересказать то, что уже говорил на исповеди, за исключением некоторых откровений, которые Патриарх категорически запретил повторять еще кому-либо.

Много говорили о дальнейших планах, о будущих владениях, землях и диких аборигенах, их населяющих, о некоторых аспектах взаимоотношений новой церковной епархии и моего владетельного дома. Опять же жизнь покажет, какими они будут — епископство или митрополия — с одной стороны, и вассальное княжество или новый монарший дом — с другой.

В результате острой дискуссии договорились о пятидесятилетнем моратории на создание закрытых монастырей (хотелось вообще их запретить!). Ну не нужны сейчас моему государству затворники-послушники! Мне нужны миссионеры, проповедники и учителя!

Еще договорились о создании при епископстве или епископствах, если их будет много, духовных семинарий. Не вызвало особого неприятия предложение организовать при храмах начальные церковно-приходские школы, в которых всех детей будут обучать на новом славянском языке чтению, письму, арифметике и Слову Божьему (принципиально — и девочек тоже!). А вот по церковному налогу, который пред-

стояло взимать с прихожан, пришлось выдержать настоящую войну.

Когда договаривающаяся сторона стала категорически настаивать на церковной десятине, рассказал о будущих миллионерах. Поведал вначале о себе и моем смежнике-поставщике, о нашей жизни в девяностых годах двадцатого века, о полутора-двух миллионах долларов, заработанных тяжким трудом: нам пришлось чуть ли не полжизни мотаться по самым забытым и диким местам разных стран мира, зачастую рискуя жизнью и здоровьем. При этом многие месяцы обходиться без близости с любимыми женами и без общения с родными детьми. Затем поведал о миллионерах-священниках, которые за деньги прихожан ездили на машинах стоимостью до ста тридцати тысяч евро, при этом на руке носили часы, которые стоили примерно по сто пятьдесят тысяч в тех же европейских деньгах. Правда, Московский патриарх среди иерархов выглядел самым скромным, он носил часы, которые стоили всего лишь тридцать тысяч евро. Скажем, я был человеком небедным, имел три разные модели часов на все случаи жизни стоимостью от двух до четырех тысяч. А вот священнику смущать души и умы верующих недопустимо.

Когда патриарх узнал, сколько это будет в переводе на золото, настаивать перестал и согласился на полдесятины. При этом на меня возложили следующие обязательства: во-первых, построить абсолютно все православные храмы за счет государственной казны, и во-вторых, запретить деятельность всех прочих конфессий. Что ж, этот момент экономику не подрывал и будущей политике вполне соответствовал, поэтому согласился, но с некоторыми уточнениями. Убедил присутствующих в том, что без привлечения инородцев никак не обойдусь, но пообещал, что никаких храмов, кроме православных, в течение ближайших двадцати пяти лет строить не буду. Сначала создадим базис государственной религии, затем, возможно, вернемся к этому вопросу.

Действительно, государство кроме разумно построенных общественных отношений должно иметь единый язык, единую религию, единые герб, знамя и гимн. И гимн этот дети должны научиться петь сразу же после того, как выучат «Отче наш». Вот тогда можно не бояться ни потрясений, ни рево-

люций, мой народ станет самым сплоченным, а государство самым могущественным в мире.

— Мы заинтересованы в сильном владыке крепкой православной державы. Если там, — Его Божественное Всесвятешество кивнул в неопределенную сторону и продолжил, — вознесутся к небу наши православные кресты, если Господь поможет в твоих свершениях и явит Свою милость всем нам, обещаю, ты, сыне, получишь древние регалии византийских императоров. Это говорю тебе не я, Яков, это говорит тебе Вселенский Патриарх православной церкви. Не знаю, дождусь ли сей благодати на этом свете или Господь призовет меня к себе, но будет так. Аминь.

Уже потом часто вспоминал этот разговор и размышлял, а были ли риски у договаривающихся сторон? Да, с моей стороны — точно. Если бы допустил хотя бы малейший промах или неискренность, не прогнали бы меня из храма, а оставили бы в подвалах навечно. Конечно, барашком на заклании себя не ощущал, но был готов к любому исходу диалога.

Рисковала ли чем-то другая договаривающаяся сторона, тем более находящаяся среди враждебного религиозно-идеологического окружения? Да ничем! Отношение всех православных христиан к Святой Софии ни для кого не является секретом, поэтому высказывания молодого Каширского не стали чем-то из ряда вон выходящим. А то, что патриарх выделил нам в сопровождение тридцать три священника, в том числе двух, только что хиротонисанных в епископы, а остальные оказались отличными проповедниками, так в этом ничего удивительного нет, миссионеры отправлялись нести в земли язычников Слово Истинное. Разве это плохо?

В Константинополе более задерживаться не стал. Тепло распрощался с дядей Володей, то есть отцом Афанасием, и засобирался в путь. Хорошо, что мои любимые девочки вместе с другими казачками в сопровождении части лыцарей и целой банды казаков смогли совершить паломничество к святым местам. А еще выбросили на местных рынках на ветер (по моему глубокому убеждению!) около сотни килограмм серебра. Но если это не ежедневное явление, то лучше промолчать, особенно когда речь идет о женщине, иначе кроме обид и озлобленности, ничего не добьешься. А так всегда будешь самым лучшим мужчиной в мире.

Дальнейший наш путь лежал в Барселону. На корабле было тесновато, но это не мешало мне войти в привычный ритм учебного процесса и продолжить занятия с новичками по чтению, письму и арифметике, а с будущими капитанами по математике, геометрии и испанскому языку.

Каждый священник также получил по «Букварю» и «Арифметике». Должен сказать, что все священники были людьми довольно грамотными, кроме греческого, латыни, арабского, турецкого, а также всех славянских наречий знали и некоторые европейские языки. Например, отец Герасим отлично говорил на испанском, английском, итальянском, французском и германском. Поэтому изучение нашего нового славянского языка, на котором они должны были проповедовать, давалось им очень легко. А арабский счет все прекрасно знали и без меня.

В Барселону мы прибыли на рассвете, поэтому оформить студиязов, уплатить за обучение и зарегистрироваться в алькальде мы успели до сиесты. К этому же времени, сбежав от дневной жары, давившей несмотря на раннюю осень, вернулись из города все наши пассажиры, в том числе и отцы-священники. Если народ в основном болтался по рынкам, даже подраться где-то успел, то отцы ходили посмотреть на архитектуру одного из древнейших городов современности, основанного, согласно мифологии, Гераклом, сыном Зевса. Сейчас они азартно делились впечатлениями. Впрочем, «отцами» их можно было назвать с большой натяжкой, тридцать человек точно были не старше двадцати двух — двадцати пяти лет. Еще один день провел на местной верфи, здесь от имени своей коммерческой компании «Новый мир» договорился об изготовлении девяти кораблей и выплатил соответствующий аванс.

Дальше наш путь проходил по слегка волнующемуся морю. Чувствовалось, что вот-вот начнется период осенне-зимних штормов. Интересно, как там все наши? Первый караван уже должен был прибыть на место, а второй опережал нас дней на пять и к этому времени тоже, скорее всего, подошел к архипелагу Канарских островов. Будем надеяться, что все у них нормально.

Побродить по Малаге моим пассажирам было не суждено. Мы прибыли почти в полдень и, на наше счастье, в порту

увидели заместителя шефа компании «Новый мир», Яшу Паса, который носился с кипой бумаг между двумя торговыми шхунами. Оказывается, нашу «Алекто» он заприметил еще на подходе к внешнему рейду.

— О! Сеньор! — Яша низко поклонился и шляпой смахнул пыль с башмаков. — Счастлив вас видеть!

Судя по довольному выражению лица, он действительно не кривил душой. А по хорошо отглаженному недешевому костюму и дорогому перу на шляпе становилось понятно, что его дела и в бизнесе и дома шли неплохо. Следовательно, и мои финансы не пели романсы.

Нужно отдать должное его оперативности: маякнув какому-то водителю кобылы, он в течение получаса собрал для нас восемь карет, в которых разместились все, кому необходимо было ехать. А это в первую очередь пятеро лыцарей, которым предстояло выполнять поставленные мной определенные задачи, затем те, чьи подруги не могли дожидаться, когда их умыкнут (некоторых предстояло умыкать уже с новорожденными детьми), ну и все двадцать три казачки — уж очень им хотелось на других посмотреть и себя показать. Пока все собирались и рассаживались по каретам, Яша ввел меня в курс дела по текущим вопросам. Оказалось, что действительно бизнес вполне себе процветал, и о нашей компании стали говорить как о приличном торговом партнере.

— Яша, я через два дня вернусь в Малагу, «Алекто» на Канары буду отправлять, тогда и поговорим о дальнейших планах. А пока вместе с Пабло подыщите двух-трех образованных молодых людей, понимающих в банковском деле. Какие должны быть к ним требования, вы знаете не хуже моего. Такие же, какие предъявлялись к вам лично. И еще проведите переговоры с владельцем здания, в котором находится контора нашей фирмы, хочу его выкупить полностью. Задача ясна?

— Да, сеньор! — Его глаза радостно блеснули. Видно, понял, что те планы, о которых говорилось когда-то, сейчас начали претворяться в жизнь. А я вытащил ручку, блокнот, написал список необходимых для погрузки материалов, затем выдернул листок и вручил ему.

— Срок — двое суток, постарайтесь закупить и погрузить на «Алекто» все, что здесь написано. Дерзайте, — поощрите-

льно кивнул ему, втискиваясь в тесную карету к супруге, сестре и еще двум казачкам. Перед тем как прикрыть дверцу, крикнул кучеру: — Поехали!

Нашу кавалькаду на стенах замка феода Сильва заметили еще издали. Да и физиономию мою, частенько выглядывающую в окошко, тоже признали. Поэтому ворота были широко распахнуты, и из них выглядывала целая толпа встречающих.

Прямо у замкового боевого перехода стояли улыбающаяся Рита, управляющая мадам Мария и Луиза, моя бывшая горничная, которая последние девять месяцев значилась помощницей и ученицей управляющей феодем. Только, когда я покидал замок, у нее был огромный живот, и она вот-вот собиралась родить, а сейчас выглядела такой же худенькой и симпатичной, как и раньше. Правда, грудь немного увеличилась.

— Как дела, девочки? — Я подошел к ним во главе процессии и перешел на испанский язык.

— Отлично, ваша светлость. — На лице Риты можно было прочесть миллион вопросов.

— Хорошо, сеньор, — с улыбкой сказала мадам Мария, и они втроем поклонились.

— А где остальные девчонки?

— Заняли очередь у зеркала, сейчас приведут себя в порядок и прибегут. А у вас как все прошло? — спросила Рита.

— Все отлично.

— А...

— И с Иваном и с твоим братом Данко тоже все отлично, не беспокойся. А ты почему молчишь, Луиза?

— У меня тоже все хорошо, сеньор, — поглядывая мне за спину, тихо сказала совсем смущенная молодая мама.

— Мальчик или девочка?

— Девочка, — пискнула она.

— Здорова?

— Да, сеньор.

— Не смущайся, Луиза, девочки нам тоже нужны. А как назвала?

— Так не называла еще. — Она удивленно посмотрела мне в глаза.

— Вот и ладно, чуть позже мы проведем и тебя, и ребен-

ка. Назвать поможем. И не переживай ни о чем, отныне и навсегда у тебя все будет в порядке. Что здесь нового, мадам? — повернулся к Марии.

— Дона Изабелла приехала с кузиной, доной Розарией. О вашем прибытии уже знают и сейчас ожидают на крыльце донжона.

— Что вы говорите?! Пойдемте. Девочки, вперед, — взял Любу и Таню под руки, но в это время из перехода на нас вывалилась стайка бегущих девчонок.

— О, сеньор, здравствуй, здравствуй! — зашебетали они, внимательно осматриваядвигающуюся за мной команду. Лицо Клариссы, увидевшей своего жениха Петра Кривошапко, засветилось радостью, так же выглядела и Ирина, к которой проталкивались брат Стас и небезразличный ей Артем Чайка. А вот в глазах Анны и Марии отразился испуг.

— Здравствуйте! Здравствуйте! Не переживайте, сеньориты, с твоим Сашей, Аня, все хорошо. И с твоим Николой, Маша, тоже. Сейчас они уже, наверное, на Канарах. — В это время Танька толкнула меня локтем в бок. — Да! Девчонки, хочу представить вам свою супругу Любовь и сестру Татьяну. Люба, Таня, разрешите представить вам великого алхимика и мою ближайшую помощницу мадемуазель Риту, кстати, — теперь уже я толкнул Таньку, — родная сестра нашего Данко. Это — пани Ирина, моя кума. Это — будущие супруги наших капитанов, сеньорита Анна, сеньорита Мария и сеньорита Кларисса. И, наконец, мадам Мария, управляющая этим феодем, и мадам Луиза, управляющая феодем Карте-нара. Заочно вы знаете почти обо всех, теперь, надеюсь, подружитесь. А сейчас все, все! Пошли дальше, нас ждут!

Опять подхватил под руки своих любимых девчонок и двинулся в крепостной переход. Действительно, на ступеньках донжона рядом с кузиной из Мадрида увидел радость мою. Если толстушка Розария считалась идеалом красоты нынешнего века и выглядела как женщина с портретов Рубенса, то стройная и подтянутая Изабель была идеалом красоты лично по моим понятиям. Впрочем, девочки, стоящие рядом со мной, смотрелись ничуть не хуже.

— Люба, Таня! Разрешите представить хозяйку феода дону Изабеллу и ее кузину дону Розарию. Дона Изабелла, дона Розария, — поймал теплый взгляд обеих женщин и пе-

решил на понятный моим девчонкам французский, — разрешите представить мою супругу, дону Любовь, и сестру, донью Татьяну.

— Очень приятно, — радость моя мило улыбнулась и показала жемчужные зубки, — называйте меня просто Изабель.

— А меня — Розí, — сказала ее кузина.

— Таня! Люба! — Девчонки сделали головками кокетливые движения-поклоны.

— Рад видеть тебя, дона, и тебя, Розí, — облобызал обеим ручки. — Изабель, слышал, что у тебя намечалось прибавление в семействе?

— Да! — радостно воскликнула она. — У нас теперь появилась маленькая Реджина! Я вас познакомлю!

— Отлично! А мальчики как?

— Слава Всевышнему и Пресвятой Деве Марии, растут здоровенькие!

— Изабель! Радуюсь вместе с тобой. А как поживает твой уважаемый супруг?

— А что ему сделается? Очень хорошо поживает. Ой! А это кто такие? — Оглянувшись, увидел, как на замковую площадь выходят мои лыцари и казачки.

— Это жены и сестры моих воинов.

— Да, по их уверенному поведению вижу, что это не крестьянки.

— Какие уж есть, — пожал плечами, — к вашему сведению, это мой будущий двор.

— Двор? — Розария удивленно подняла брови.

— Микаэль на своих землях принц или дюк¹, правда, у них это называют князь, — уточнила Изабель.

— Тогда тебе своих дворянок стоило бы отправить на учебу в Мадрид, к доне Акуле, — сказала Розария.

— Акуле? Звучит зловеще. И чему у нее учат?

— Это мы ее так прозвали. А вообще это дона Августа, вдовствующая герцогиня Астурийская. Она является патронессой Института благородных девиц. Там не забалуешь, учатся без всяких каникул полтора года, изучают искусство, литературу, музыку, нормы поведения, правила дворцового

¹ В переводе с латинского языка — герцог.

этикета, а также обязательно французский и германский языки. Мы с Изабель тоже там учились.

— О! Мадрид! Это интересно! — воскликнула Танька, затем тихо добавила уже на родном языке: — Да и замуж выходить запретил на целый год, а так было бы не скучно. И впечатления новые.

— Розы, и сколько стоит это удовольствие?

— Тысяча пиастров учеба, плюс каждая сеньорита обязана иметь на руках еще тысячу — на пошив различной одежды.

— Ого! Дороже, чем учеба в военно-морской школе.

— Да, это так. Там обучаются только девушки из благородных богатых семей.

— Ясно. Изабель, ты не будешь возражать, если вся эта компания станет к тебе на постой дня на два?

— Ты что, всего лишь на два дня приехал? — Бровки Изабеллы приподнялись с удивлением и обидой.

— Нет, я с супругой, сестрой и еще пятью ребятами приехал на три месяца, на период штормов. Если не прогонишь, конечно.

— Что ты?! Что ты?! — Эта всегда сдержанная женщина энергично замахала руками. — Живите сколько хотите! Только вот куда всех ваших сеньорит разместить? Сейчас свободны только две гостевые комнаты.

— Да не переживай, в казарме угол отделим. На корабле и десятой доли таких удобств не было.

Два дня пролетели весело и быстро. Чего не ожидал, так того, что моему появлению искренне обрадуется падре. Все три месяца, которые здесь пробыл, в те дни, когда я никуда не отлучался, он считал необходимым скрашивать мое одиночество. Теологические споры мы больше никогда не вели, чаще всего играли в шахматы, дегустировали вина да говорили за жизнь. Оказывается, падре не всегда был священником, в молодости хулиганистый кабальеро тоже немало покуролесил.

В день прибытия Танька уговорила меня раскошелиться на учебу в Мадриде. Тогда-то, подумав и посоветовавшись с самим собой, собрал всех двадцать пять девчонок, которые прибыли с нами, и еще пять тех, которые жили в замке, а так-

же их мужей и женихов. Любка уже была готова к разговору, правда, вначале для порядка немного возмутилась и поругалась, затем пошептала с Танькой и приняла мое решение, как должное.

— Девчонки, вы еще совсем молоденькие — четырнадцать — шестнадцать лет, разве что Рита и Ира постарше. Все вы — жены и сестры моих воинов-лыцарей. То, что хочу предложить, выполнять необязательно. Завтра под командой Петра Кривошапко корабль отправится на Канары, и вы сможете двигаться дальше. Но хочу вам сказать, девчонки, что жизнь, к сожалению, такова, что нам не всегда приходится делать то, что хочется. Поэтому вашим любимым мужьям и женихам не сегодня, так завтра предстоит отправиться на покорение новых земель, и ближайшие пару лет видеться вы будете очень и очень редко. Лично я через три месяца уйду в кругосветное плавание и увижу своих любимых жену, сестру и всех вас, таких симпатяшек, смогу только через год-полтора. Так вот, пока вы не обременены детьми, хочу предложить составить Любе и Тане компанию и отправиться на учебу в Институт благородных девиц, который находится в Мадриде. Учеба будет стоить одну тысячу серебром. Столько же нужно выделить на пошив новой одежды. — В помещении казармы зашелестел громкий шепот.

— Нет-нет, возвращать ничего не надо, казна берет затраты на себя. Конечно, когда-то и мы создадим подобную школу, но прежде чем кого-то чему-то учить, нужно самому овладеть предметом. Правильно? Вот я и надеюсь, что именно вы станете самыми первыми носителями нашей культуры, и именно вы начнете продвигать ее в широкие массы. Вы станете такими же двигателями прогресса, как и ваши мужья. Подумайте об этом, посоветуйтесь с любимыми и близкими, но говорю сразу, тебя, Рита, не отпущу. Завтра отправишься на Канары, там тебя ожидают восемь учеников. Полковник Бульба обещал подобрать еще человек десять. Впрочем, лично для тебя он и двадцать подберет. Ясно?

— Да, но... ваша светлость, — проямлила смущенная, покрасневшая до корней волос Рита, — я все реактивы выработала, больше материалов нет.

— Будут. Завтра с утра Яша Пас должен все загрузить на корабль. А сейчас подожди немного, пока девчонки подума-

ют и посоветуются, затем бери пару наших ребят в помощники, и начинайте запаковывать лабораторию. Остальные ребята знают, что делать. Готовьте к отправке оборудование мастерской, оснастку кузни и литейки. Все. Только помогите нашим девочкам сделать правильный выбор. И еще, если кто-то хотел кого-то умыкнуть, так не затягивайте!

— Уже, — сказал Васюня, — даже как-то неинтересно, родители их подготовили, даже кое-какое приданое дали. Но все равно, завтра перед падре они будут делать вид, что мы их украли.

— Это точно. Ну а падре, в свою очередь, будет делать вид, что им поверил, и предавать нас всяческим анафемам.

В конечном итоге, учиться согласились двадцать семь девочек. Мария, Анна и Оксана Кривошапка, невеста Арсена Кульчицкого, даже обсуждать вопрос без ведома своих любимых, которые находились сейчас на Ла Пальме, категорически отказались.

Можно было отправляться сразу, но Роза предложила вначале написать в институт письмо. И вот через восемь дней пришел ответ. Оказалось, что доне Августе, герцогине Астурийской, даже интересно поработать с подобным контингентом.

А за день до их убытия в Мадрид мы сидели на заднем дворе замка в крохотном саду.

— А отец ребенка — кто? — спросила Танька, увидев вдали Луизу с крохой-дочуркой на руках. Мы назвали девочку Елена.

— Какая разница. Чей бы бычок ни скакал, а теленок — наш.

— Когда гляжу на разрез глаз и очертание губ ребенка, мне кажется, я знаю этого бычка. И еще, мы были в гостях у Изабель, видела ее деток. Так вот мальчишки не похожи ни на нее, ни на этого дедушку, ее мужа! А Любка говорит, что они похожи на меня и нашего покойного отца, вот я и думаю...

— Придержи-ка эти измышления при себе, дорогая сестричка! И не болтай лишнего о том, что тебя не касается.

— Да, не касается меня, но ты, дорогой братик, не думай, что твоя Любка — дура набитая. Просто жены, дочери и сестры воинов привыкли к тому, что у вас после каждого удачного набега появляется куча полюбовниц, понимают, что вам

нужно сбросить напряжение, поэтому на такие вещи особого внимания не обращают. Вот и Любка все прекрасно видит и молчит.

— Танюшка, послушай меня. Представь себе, что по земле прошла война. Под мечами победителей погибли воины и мужики поверженной стороны. И что дальше? Хочу сразу сказать, фортуна изменчива, сегодня ты на коне, а завтра может быть и наоборот. Так вот Господь решение этого вопроса предвидел, Он создал вас, женщин. Отец когда-то учил меня, что нельзя разграбить побежденный город полностью и бросить его вымирать. Нужно хлеба немного оставить, а также оставить свое семя — для возрождения новой жизни. Женщина не может просто так ходить и небо коптить, она должна исполнять свое предназначение, должна рожать. Может быть, это не совсем христианская позиция, больше языческая, но я так воспитан и точно так же буду воспитывать своих детей. Что же касается жен, то мы их любим. Они — хозяйки нашего дома, хранители домашнего очага, семьи и детей — берегини.

Как раз в это время в сад вернулась Любка, которая на некоторое время отлучалась по своим делам.

— А о чем вы здесь шушукаетесь? — Она приблизила свою рожу, заглянула мне в глаза. Я ухватил ее за руки, потянул к себе и усадил на коленки.

— Говорим о том, Любовь моя, что я очень люблю тебя.

— Да?! Правда-правда?!

— Правда. Ты моя королева, а я твой король на всю оставшуюся жизнь, пока смерть не разлучит нас. И никогда не сомневайся в этом.

ГЛАВА 2

Два голландца — восемнадцатипушечный флейт и шестнадцатипушечная бригантина — шли следом за моим «Алекто» от самого порта Малаги. После прохождения Гибралтара они отпустили нас на дистанцию в три мили и держались так все время.

Вначале особого внимания не обращал, думал, мало ли, идут, как и мы, на Канары или американский континент. За-

тем понял, что обогнать нас даже не пытаются, а могли давным-давно, ведь мой корабль, честно говоря, был перегружен сверх всякой меры. И вот когда дал команду изменить курс на тридцать румбов¹, они четко повторили маневр. Стало ясно, что купцы решили срубить «капусты» по-легкому, возомнили себя волками, а мою богиню мщения «Алекто» — овцой обыкновенной. Вероятно, были наслышаны о наших неказистых пушечках.

Думаю, начнут пробовать нас «на зуб» сразу же после сесты. Ну и ладно, блажен тот, кто верует.

Все три месяца, пока не вернулся мой корабль, пришлось неслабо побегать.

Девчонок отправили в Мадрид с почтовым сопровождением и личной охраной семьи доны Розарии. Именно она будет представлять их при дворе вдовствующей герцогини Астурийской. Большую часть дороги мы женщин сопровождали, но в Толедо распрощались, и их почтовый поезд двинулся дальше.

Решили, что трое моих лыцарей и молодой парень Алехандро, новый работник компании, задержатся здесь месяца на два с половиной. В мастерских, где ребята целый год проходили обучение, они разместят заказы и начнут продвигать изготовление отвальных плугов на колесах, культиваторов, простых кос и сеялок. Все изделия в единичном экземпляре мы привезли с собой. Сенокосилки решили пока не заказывать, в Африке они не актуальны, подножный корм для лошадей и скота имеется круглый год. Снега-то нет. Вот в северной части Америки, начиная от Монтаны и выше, там да, сено на зиму нужно косить.

Эти изделия мастеров меня изрядно заинтересовали, поэтому, определившись с ценами, провел переговоры о получении доли прибыли с новинок. Нет, возражений по договору о сотрудничестве не было вообще, речь шла о процентной ставке. В конце концов остановились на десяatine и вызвали стряпчего.

Сам, лично, выплатил стоимость заказов и занялся закупкой разных материалов через нашу компанию. В литейных мастерских оформил изготовление и поставку двадцати ты-

¹ Тридцать румбов — курс норд-норд-вест.

сяч испанских фунтов (девять тонн) отличной толедской стали в отливках, которую планировал пустить исключительно на изготовление стволов и ответственных деталей. Больше стали брать не стал, так как и сам вскоре начну отливать не хуже.

Взял и латунь, правда, немного, всего пять тысяч фунтов, так как надеялся на добычу собственной меди. Рядом с медными рудниками должны быть и залежи цинка, по крайней мере, припоминаю, где в той жизни стоял этот меткомбинат. Но пока мы его отыщем, пройдет немало времени, поэтому еще в Малаге дал задание нашей компании закупить тонн сорок цинковой руды мелкими партиями через разных посредников здесь, в Испании. Закупать через лишние звенья цепочки гораздо дороже, зато привлечем меньше внимания.

А вот с оловом для литья бронзы напряга быть не должно. Знаю точно, что на реке Оранжевой в районе города Прииска, рядом с еще одним медным рудником, есть довольно солидные залежи. Но опять же на этом месте сейчас бегают антилопы, буйволы, львы да гиены. Пока отыщем руду и начнем разработку, времени пройдет немало. Поэтому дал команду закупить десять тысяч фунтов олова.

Знаю еще одно место, где находятся огромные запасы оловянных руд. Это Берег Скелетов в районе пустыни Намиб. Но местность эта название заслужила по праву. Здесь большую часть года стоят плотные туманы, которые создаются холодным течением, а в совокупности с постоянным мощным прибоем судоходство у этого побережья невозможно даже для куда более технически совершенных кораблей. Чего уж говорить о парусниках, которых в тех краях погибло бесчисленное множество. Ну и ладно, нам туда пока не надо.

Артем Чайка и Момчило Петкович остались в Малаге, где курировали изготовление оборудования для трех водяных лесопилен, двух водяных и шести ветровых мельниц по голландскому образцу. Редукторы к ним мы в будущем, конечно, переделаем. Вообще-то как мельницы для хлеба и прессы для масла будут работать всего три ветряка, а все остальное оборудование используем для литейного и кузнечно-прессового производства.

В Толедо пробыл две недели и вернулся домой. Здесь меня ожидал ответ Марсельского банка на запрос о судьбе серти-

фикатов князя Вишневецкого. Предлагали приехать с оригиналами документов для дальнейших переговоров. Поэтому пробыл у себя два дня и посмотрел, как идет реконструкция приобретенного дома. Затем взял сопровождение — Артема и Момчила, с которыми отправились в путь на каботажнике по слегка штормящему морю.

В здании офиса работы оказались почти закончены. Наружная, каменная часть была очищена от многовековой пыли и отмыта, крышу перекрыли новой черепичной кровлей, все окна заковали в железные решетки и застеклили. Появились новые резные ставни и еще две массивные дубовые двери, рядом с которыми висели точно такие же большие полированные латунные щиты, как и на первой двери, но уже с другими гравированными надписями. На одной было написано: «El banco de la reconstrucción y el desarrollo»¹, а на второй: «Compañía de seguros «via Lejana» La seguridad de mar, la seguridad contra fuego»².

Внутренняя отделка была выполнена не хуже, чем в приемном зале графа Малаги. Подвал тоже передделали полностью. Пол, стены и потолок армировали прутьями из толедской стали (довольно устойчивой к коррозии), забутовали крупным щебнем и залили крепким цементным раствором. Работу эту делали долго и демонстративно, чем привлекли немалое количество любопытствующих дворян, торговцев и прочих мещан. Именно их рассказы о толщине стен, а впоследствии и слухи о количестве доставленного золота способствовали процветанию всех моих предприятий.

Банкира Давида Пуйоля, бухгалтера и двух кассиров, а также страхового агента и страхового инспектора Карлоса Басору рекомендовал управляющий компанией Паша Гихон. А семерых отставных солдат из гарнизона алькальда привел инспектор Басора. Басора сказал, что охрана банка и поддержка репутации страхового агентства, даже при необходимости физического воздействия, работа для них привычная.

С Давидом и Карлосом вел длительные и частые беседы. При этом вспоминал о своих отношениях с банками и страховыми компаниями и многие моменты доносил до их сведе-

¹ Банк реконструкции и развития (*исп.*).

² Страховое общество «Дальний путь», морское страхование, страхование от огня.

ния. Мое знание банковского и страхового дела неглубоко для человека XXI века, но колоссально для века нынешнего, и поэтому оказалось для них настоящим откровением. И если наш будущий бизнес пойдет таким образом, о каком сейчас свидетельствуют их широко открытые глаза, придется нам выкупать в разных городах Европы как минимум по зданию в год, при этом нанимать не семь человек охраны, а целую армию.

Проблем с получением денег тоже не было никаких. Прибыл в банк, предъявил сертификаты князя Вишневецкого и метрическую выписку на князя Каширского Михаила, сына Иоакима, составленную на латыни, двумя экземплярами которой обзавелся еще дома. Деньги в сумме четыреста пятьдесят шесть тысяч золотом были выданы, сосчитаны и погружены на принадлежащий страховой компании корабль. Отчалили мы немедленно и в Малагу прибыли без происшествий.

Текучка затянула настолько, что счет дням потерял. Правда, изредка ездил в гости к Изабель, а еще на адрес компании частенько приходили письма из Мадрида, от наших девчонок. Любушка и Танюшка писали о своих радостях и огорчениях. Многим девочкам уже хотелось сбежать, но я им отвечал, что мы их любим и ждем с победой через год и три месяца. А сейчас этих писем собрался целый мешок.

Казалось бы, только что ребята вернулись с грузами из Толедо, а на внутреннем рейде порта бросил якорь «Алекто». С удивлением понял, что три месяца уже прошло. Тогда-то я и узнал множество новостей, а среди них — новость о том драматическом, но победном бое, произошедшем на острове Ла Пальма в начале этого лета.

Грузились три дня. Забили не только трюмы, но и свободные места на палубе. Различных товаров натащили столько, что утонула даже ватерлиния. Команда работала споро, несмотря на то, что все тридцать три члена экипажа, если не учитывать меня, Кривошапку и Васюню, были новичками. Но ничего, серьезных штормов не предвиделось, поэтому в том, что благополучно дойдем до пункта назначения, даже не сомневался. Тем более что из вновь изготовленного оружия Иван выделил на мой корабль двадцать две винтовки, а револьверов — тридцать три, то есть снабдил каждого матроса.

А холодное оружие у каждого воина имелось свое собственное.

На второй день после прибытия распрощался с обитателями замка, с падре и сельскими старостами, забрал Луизу с ребенком, ее отца и младшего брата и убыл в Малагу, где поселился в собственной каюте. Уж очень хорошо старый вдовец Педро набил руку на изготовлении винтовочных прикладов и револьверных щечек. Когда ему намекнул, что могу организовать свободную и безбедную жизнь, он ни минуты не сомневался, оставил хозяйство старшему сыну и последовал за мной.

На палубе меня уже ожидал и Энцо Раванелли с двумя помощниками. Это младший сын венецианца-краснодеревщика, который два года назад обустроивал замок в феоде Сильва. Кстати, спальный гарнитур и кабинет изготовил именно Энцо. В мастерской отца из-за старших братьев ему стало слишком тесно, и он решил уйти на собственные хлеба. Мой заказ подвернулся как нельзя более кстати.

На следующий день подошли девятнадцать корабельных плотников. Собственно говоря, это были завербованные мной младшие сыновья мастеров, которые получили аванс по пять золотых дукатов и просто светились от счастья, получив возможность пристроить к делу своих отпрысков. Пробыться на верфях Малаги им было невозможно.

В отношении собственных корабелов больших иллюзий не питал, с полгода только древесину придется готовить. Но все равно, каждый из четырех должен будет заложить по два флейта. Сомневался, что к выпуску капитанов они успеют построить хоть один каркас, поэтому в Малаге разместил заказы на семь кораблей, а в Барселоне — на девять, и все по типу моего флейта. Ну а остальное придется покупать, благое дело, в средствах не стеснен.

Вечерами, пока шла подготовка к отправлению, ребята, расположившись у выносного столика на четвердеке, рассказывали мне о жизни на острове и обо всех других новостях. Оказывается, когда прибыли батюшки, у нас начались массовые венчания. Так что ни одной взрослой свободной девчонки не осталось, все вышли замуж. Правда, Иван и Рита пока не обвенчались, только объявили помолвку. Иван сказал, что если его посаженным отцом согласился стать док-

тор, то посаженным отцом его невесте никто, кроме меня, быть не может.

К сожалению, наметился серьезный демографический перекося, три сотни воинов на неопределенное время остались без потенциальных невест. И хоть Иван их предупредил, грозя самыми страшными карами, чтобы не терроризировали мужиков и не шастали к их бабам, но все равно с этим придется что-то делать. В самое ближайшее время.

— Все четыре шебеки отремонтированы полностью, — Петро рассказывал о судьбе трофеев, добытых островитянами в бою с берберийскими пиратами. — Три месяца мы на них тренировались и выходили в море. Далеко не уходили, так как слишком штормило, но весла для плавания при таком волнении — это очень умное дело. Главное, причаливать удобно.

— К твоему сведению, Петро, на западном побережье Африки постоянно штормит. Потому-то и прижились здесь парусно-гребные суда. Но молодцы ребята, захватить с берега целых четыре шебеки — это подвиг. Всех повышу в звании до сержанта, а Стоянову дам лейтенанта.

— Да, сир, Стоян воин серьезный, у нас его уважают. Так они пятое суденышко тоже вытянули, правда, сейчас от него ничего не осталось, все растащили на ремонт других шебек, но ни одна пушка не утонула, — уточнил он.

— А каронады льют или нет?

— Да, сир! Все задачи, поставленные в Хаджибее, выполняются. Считайте, с «Ирины» мортирку и те шесть дрянных пушечек убрали; двадцать четыре с трех выкупленных шхун, восемьдесят с шебек и шестнадцать пушек с флейта сняли и все переплавили. После литья получилось сто девяносто девять каронад. Так что у нас пятьдесят три ствола в запасе, но укомплектовать смогут только штук двадцать, господин полковник говорит, что твердого дерева на лафеты не хватит.

— Ничего страшного, мы сейчас грузим африканскую древесину на мебель для дворца, скажу, чтобы загрузили немного больше. А те орудия с двадцатипушечного флейта отложили?

— Не отложили! Уже установили! По пять на два укрепления в порту и по четыре на два укрепления у цитадели. И по

одному на бак каждого флейта. Даже запальные замки везде поставили. Провели испытания, так эти орудия лупят новыми снарядами точно так же, как и наши, на полторы мили. Тем более что калибр одинаков. Теперь безнаказанно войти в бухту ни одна эскадра не сможет, а с нашим оружием — и со стороны пляжей никто никогда не прорвется.

— Отлично. Но мне удивительно, что артиллерийские бастионы уже готовы.

— Сир! Весь световой день никому нет ни минуты покоя, ни лыцарям с женами, ни казакам с казачками, ни мужикам с бабами. Рассказать вам о нашем распорядке дня? — Дождавшись моего утвердительного кивка, Петро продолжил: — Подъем с рассветом, в шесть утра, абсолютно для всех, кроме непраздных казачек и баб. Пока воины бегают и занимаются комплексом физподготовки, все остальные обязаны взять в каменоломне по три камня и перенести в заранее намеченное архитектором место. Мужики тащат большие, килограмм по пятнадцать — двадцать, а женщины — маленькие, килограмм по восемь — десять. На три захода уходит ровно один час. Затем и нам, воинам, приходит очередь таскать камни. Тоже по три захода, но мы управляемся за полчаса. Точно такой же моцион, как вы, сир, говорите, получаем и вечером. Так вот мы подсчитывали, три с половиной тысячи работоспособных людей, особо не напрягаясь, в среднем за день приносят туда, куда укажет архитектор, до трехсот тонн камней, по-другому это сто сорок кубометров. А за три месяца мы уложили не меньше двенадцати с половиной тысяч кубов. Так что, сир, уже не только все четыре бастиона полностью построены, но и причал и волнорез. Даже цементным раствором залиты. Теперь в бухту может войти не полтора десятка кораблей, а все три. Портовую площадь выложили камнем давно, а сейчас заканчивают мостить дорогу к цитадели.

— Ну это два часа светового дня. А все остальное время что делали?

— Сразу после завтрака химики, механики, кузнецы, литейщики и дежурная смена крестьян, которые работали на мехам, шли в пещеры, там они построили лабораторию, мастерские и печи, а для всех остальных проходило боевое слаживание. Команды осваивали новые корабли; когда не очень

сильно штормило, выходили в море, правда, недалеко. Капитан Полищук занимался с сухопутными подразделениями, то есть с морским десантом, совместно с матросами отрабатывал абордажи. Потом в дальней маленькой бухте сделали так, как вы говорили: вылили на поверхность воды земляное масло, подожгли, затем прыгали в огонь и плыли под водой к чистому от пламени месту. Через это испытание абсолютно все казаки прошли по четыре раза. Да! Страшно было, особенно сначала. Еще стреляли. Лыцари — совсем мало, а новички делали по восемнадцать выстрелов из револьвера и по четырнадцать выстрелов из винтовки. У госпожи Риты с порохом напряженка.

— О! Вот как вы ее стали называть! Раньше была Ритка, а сейчас уже госпожа.

— Ага! Господин полковник за «Ритку» уже одному умнику по кумполу треснул.

— Понятно. — Отучить Ивана от укоренившегося в его мозгах отношения к воспитанию вообще и ставших привычными мер воздействия за кривое, по его мнению, слово, было невозможно. Впрочем, любые его начинания и действия мною поддерживались безоговорочно. — Вообще-то Рита действительно достойна самого высокого уважения. Но ладно, рассказывай дальше.

— А что дальше? Вон сержант Васюня все три месяца пушкарей гонял.

— И как твои, Степан, успехи? — повернулся к Васюне. — Будут у нас хорошие бомбардиры или как?

— Почему будут? Уже есть. Даже в этой нашей новой команде пятеро казаков, то бишь матросов, показывают очень неплохие результаты. Правда, двадцать стофунтовых бочек черного пороха сожгли и две тонны железа в море выплюнули, но косоруких и косоглазых отбраковали, сорок девять перспективных пушкарей определили. Мы их по трое-четверо распределили на каждый корабль. И четверых на бастионы порта и цитадели поставили, по одному на каждый. Надо бы их всех поощрить, я обещал.

— Обещания надо выполнять, подай список, поощрим. Вижу, засиделся ты в командирах отделения, Степа. — При этом заметил, как Петро еле заметно утвердительно кивнул. — Однако об этом потом. Давай, Петро, рассказывай об

учебе. Вижу, оба говорите на славянском языке почти правильно.

— Еще бы, стараемся соответствовать. А учатся все по той методике, по которой вы велели. Даже крестьяне учатся. Когда вы в Хаджибее сказали, что освобождаете их от всех податей на три года, а знающих арифметику и разговаривающих на нашем языке — на пять, заниматься начали прямо на кораблях.

— А батюшки учатся?

— А как же! Они уже и сами все учителями стали, правда, трое — отец Герасим и те двое, которые постарше, отец Михаил и отец Василий, все что-то пишут. Говорят, Евангелие и молитвослов переводят. А еще капитан Полищук отобрал две сотни малолеток, в основном из числа казацких сирот. По правде говоря, среди них только десятка два воинов-казаков, а остальные — малышня обыкновенная. Даже есть несколько совсем маловатых, лет по восемь — десять. Капитан живет с ними под одним навесом, занимается фактически круглосуточно, гоняет с утра до вечера. Дисциплину среди этих бывших малолетних бандитов завели правильную, розгами бьют по заднице за любую провинность. И в огонь малышня прыгала вместе со всеми взрослыми казаками.

— Но кормят пацанов хорошо, — добавил Васюня, — и спать днем дают. А вначале им было нелегко, во время сиесты обедали, мыли свои миски, затем приползали под навес, падали и вырубались. А сейчас ничего, втянулись. Нас-то воинами воспитывали с детских лет, а этих бродяжек кто учил? Но будет, будет из них толк.

Методика, по которой я обучал своих бойцов, а они в свою очередь стали обучать других, называется английской. Как-то прочел о ней еще в той жизни. Респонденты считали ее вполне эффективной для применения не только при необходимости ликвидации массовой неграмотности, особенно среди диких аборигенов, но и при изучении других языков.

Казаки мои были довольно образованны, поэтому система обучения оказалась исключительно действенной. Вначале из общего числа слушателей выделялись лучшие ученики, которые начинали помогать учителю обучать более слабых. Таким образом можно было охватить достаточно большое количество учащихся.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
Часть первая. ЮЖНО-АФРИКАНСКОЕ ГРАФСТВО	10
Часть вторая. ПЕРВЫЙ ПОХОД ПОД ЗНАМЕНЕМ ДВУХ ГРИФОНОВ.	131
Часть третья. ЗА ТРИДЕВЯТЬ ЗЕМЕЛЬ, ИЛИ ВТОРОЙ ПОХОД ПОД ЗНАМЕНЕМ ДВУХ ГРИФОНОВ.	245